

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.7>

Лобин Александр Михайлович

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ Д. А. ГРАНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА "ВЕЧЕРА С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ")**

В статье представлен анализ принципов воплощения образов исторических лиц в ретроспективной прозе. Решается проблема установления взаимосвязи исторической концепции автора и формы ее художественной реализации в произведении. Впервые исследуются итоговая концепция истории Д. А. Гранина и ее воплощение в позднем творчестве писателя. Определено место гранинской концепции в рамках "петровского дискурса" XVIII-XXI веков. Главный результат реформации, по мнению автора, заключается в создании новой идеологии. Установлено, что, в отличие от Д. Мережковского и А. Толстого, Д. Гранин рассматривает Петра I как главного инициатора и идеолога реформ. Основным художественным средством репрезентации авторской точки зрения служит риторический прием моделирования диспута.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/7.html](http://www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/7.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 37-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 24.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.7>

*В статье представлен анализ принципов воплощения образов исторических лиц в ретроспективной прозе. Решается проблема установления взаимосвязи исторической концепции автора и формы ее художественной реализации в произведении. Впервые исследуются итоговая концепция истории Д. А. Гранина и ее воплощение в позднем творчестве писателя. Определено место гранинской концепции в рамках «петровского дискурса» XVIII–XXI веков. Главный результат реформации, по мнению автора, заключается в создании новой идеологии. Установлено, что, в отличие от Д. Мережковского и А. Толстого, Д. Гранин рассматривает Петра I как главного инициатора и идеолога реформ. Основным художественным средством репрезентации авторской точки зрения служит риторический прием моделирования диспута.*

*Ключевые слова и фразы:* литература и история; концепция истории; историческая проза; творчество Д. А. Гранина; образ Петра I.

**Лобин Александр Михайлович**, к. филол. н., доцент  
Ульяновский государственный технический университет  
amlobin@yandex.ru

### ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ Д. А. ГРАНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ВЕЧЕРА С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ»)

Понимание роли личности в истории является одним из наиболее значимых элементов не только философии истории, но и художественной литературы, посвященной отражению прошлого.

В художественной исторической литературе понимание роли личности представляет собой часть авторской концепции истории, определяя во многом содержание и форму произведения. Является ли герой жертвой судьбы или сознательным участником событий, орудием высших сил или гением, меняющим мир по своей воле? Позиция героя, то есть степень его самостоятельности и способности влиять на течение событий, в значительной мере влияет на авторский выбор типа сюжета (хроникальный, биографический, авантюрный и пр.) и многих других элементов поэтики произведения, таких как хронотоп, система персонажей и сюжетообразующие конфликты, а также на структуру композиции. В конечном итоге писатель творит принципиально иную, художественную реальность, в которой, как писал Д. С. Лихачев, существует «своя система причинности или “беспричинности” событий» [8, с. 77]. Но эта принципиально новая реальность создается на основе существующих данных, мемуарного и документального материала, ограничивающих пределы авторского домысла, хотя и допускающего отдельные анахронизмы и неточности.

Значение авторской концепции личности становится особенно заметным в тех случаях, когда в роли главного героя выступает знаковое историческое лицо, ставшее основой биографического мифа. В качестве одной из таких личностей, безусловно, выступает первый русский император Петр I. В сознании российского общества он является не столько реформатором, сколько символом реформ. Вопрос о его роли в истории России обсуждается на протяжении трех веков. Симптоматичным следует признать само наличие противоположных точек зрения, каждая из них отражает определенную философскую концепцию, взгляд на историю и судьбу России в ней.

Оценки итогов реформации и характера самого реформатора много раз менялись по мере появления новых исторических данных и возникновения новых историко-философских концепций и литературных течений. Эти изменения стали главными причинами того факта, что трактовки его личности в различных художественных произведениях заметно различаются. Тема Петра затронута в творчестве Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Д. Л. Мордовцева, Д. С. Мережковского, Ю. Н. Тынянова, А. Н. Толстого и многих других писателей. В качестве нового концептуально значимого текста, разрабатывающего эту тему, рассматривается роман Д. А. Гранина «Вечера с Петром Великим» [3] – итоговое произведение в творчестве автора, отражающее не только его взгляд на личность Петра и его деятельность, но и целостное философски обоснованное понимание роли личности в истории.

Исследования петровского дискурса в исторической прозе, значимой частью которой является это произведение, приобрели особую актуальность на рубеже XX–XXI веков на фоне высокой популярности ретроспективных жанров в целом, так как в этот период происходит активный процесс осмысления прошлого России и оценки перспектив вхождения нашей страны в глобализованное мировое сообщество. Объектом настоящего исследования стало позднее творчество Д. А. Гранина, недостаточно изученное в современном литературоведении, но вместе с тем являющееся репрезентативным материалом для уточнения жанровой типологии исторической прозы начала XXI века.

Оговоримся, что проблема оценки личности Петра I в историографии и культуре осложняется спором о результатах его деятельности, начатым еще в XVIII веке и продолженным «славянофилами» и «западниками». Прежде всего, возникла необходимость понимания их причин и последствий: были ли петровские реформы необходимыми и закономерными, а потому прогрессивными и благотворными переменами в жизни русского общества? Другой важнейшей составляющей этого дискурса стала оценка методов: насколько

была необходима и неизбежна высокая степень насилия в процессе их проведения? Возможно ли было произвести реформацию с меньшими жертвами, совершив ее постепенно, в течение жизни нескольких поколений? И самым главным в интерпретации исторического материала стало понимание степени осознанности целей самим реформатором: не были ли все эти несистематизированные акции просто прихотью царя-самодура, подражающего европейским монархам?

Процесс оценки роли Петра, начатый еще его современниками, включал несколько этапов. Первоначально его место в истории России понималось на основании религиозной картины мира, в рамках которой сформировались хрестоматийно известные легенды о царе-антихристе (версия раскольника Г. Талицкого). В среде сторонников Петра, напротив, возникла традиция отождествления его с Христом, создающим новую Россию (Ф. Прокопович).

Исходная научная историография Петра опирается на оценки европейских философов и историков XVIII века (Вольтера, Дидро и др.), рассматривавших Петра как пример государя-просветителя. Но уже в конце XVIII века русские историки Н. Карамзин и М. Щербатов отметили некоторые отрицательные последствия петровской европеизации, которые привели к повреждению нравов русского общества. Эти идеи были развиты далее славянофилами в контексте их спора с «западниками» в рамках дискуссии «является ли Россия частью Европы и должна ли следовать ее путем развития?».

Новым этапом понимания роли Петра стали «Публичные чтения о Петре Великом», прочитанные в 1872 г. С. М. Соловьевым. В них впервые проводится мысль о закономерности реформ как необходимого этапа в развитии России, который был обусловлен внутренней потребностью страны в экономическом развитии [15, с. 38]. Историк предлагает новый критерий оценки роли исторической личности, как одного из компонентов исторического процесса, характер которой определяется ее окружением и обстоятельствами: «...великий человек является сыном своего времени, своего народа... его деятельность теряет характер случайности, произвола» [Там же, с. 9]. С. М. Соловьев уточняет, что процесс европеизации был начат еще отцом Петра, Алексеем Михайловичем, и продолжен его старшим братом Федором. Новый подход в понимании проблемы поставил новые вопросы, так как в этом случае возникла необходимость оценки деятельности реформатора с точки зрения целесообразности и эффективности средств, использованных им для превращения Московского царства в Российскую империю, и роли самого Петра в деле европеизации страны.

На этом этапе историографии главным объектом рефлексии стали методы реформации и характер Петра: «Петр... бесполезно затруднил свое собственное реформаторское дело; возбудил негодование подданных... К чему было брить бороды, загонять на ассамблеи, заставлять курить табак, учреждать попойки?» – утверждает Н. Я. Данилевский [5, с. 265]; а П. Н. Милуков и вовсе отрицает руководящую роль Петра: «...стихийно подготовленная, коллективно обсужденная эта реформа... только из вторых рук, случайными отрывками проникала в его сознание» [11, с. 732].

Для объяснения этих обстоятельств историк В. О. Ключевский исследовал по сохранившимся документам и мемуарам привычки и характер Петра, а также соотнес их с обстоятельствами, в которых была задумана и осуществлена реформация, и пришел к выводу, что действия Петра не имели заранее намеченной цели, а носили характер вынужденной импровизации, направленной на достижение постоянно корректируемой цели [7, с. 57]. В советской исторической науке точка зрения на Петра неоднократно менялась, но общее представление о его реформах как закономерных и прогрессивных преобладала. Петр Великий, ускоривший развитие капитализма в России, приближал тем самым и социалистическую революцию. Одним из главных вопросов, на котором сконцентрировалось внимание советских историков, стал поиск социальной базы реформации, понимание, в интересах какого именно класса действовал Петр – нарождающегося капитала или все-таки дворянства?

В постсоветский период исследование этой проблемы было продолжено. Историки Е. В. Анисимов и Н. И. Павленко, оценивая результаты петровских реформ, пришли к выводу, что его действия (повышение налогов, инфляция, жесткая регламентация торговли) на самом деле разоряли купечество и не способствовали развитию капитализма [1, с. 128-132; 12, с. 488-491]. Я. Е. Водарский утверждал, что реформы Петра «в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие страны» [2, с. 77].

Но социально-экономический подход к исследованию «петровского вопроса» не был единственным. Уже в конце XX века актуализировалось еще одно направление его исследования, культурологическое. В рамках этого направления основным объектом анализа являются культурные акции Петра, формирующие новый менталитет общества. Так, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, рассмотрев обстоятельства и символический смысл основания Санкт-Петербурга и некоторые другие нововведения Петра (новый календарь, табель о рангах, смена одежды), пришли к выводу о том, что итогом его трудов стало не экономическое развитие и не военные успехи, а создание новой имперской культуры и идеологии [10].

Процесс осмысления «вопроса о Петре» в литературе прошел те же этапы, что и в исторической науке. В стихах и поэмах А. С. Пушкина («Полтава», «Медный всадник»), в его неоконченном романе «Арап Петра Великого» первый русский император предстает как личность демиургическая, единолично и самовластно меняющая историю, то есть орудие Провидения [6, с. 58]. Отношение поэта к Петру неоднозначно: его восхищают воля и масштаб личности императора, но Пушкин не может примириться с самодурством и деспотизмом Петра. Эта концептуальная неоднозначность хорошо заметна в тексте поэмы «Медный всадник». В прологе автор утверждает, что основание Петербурга определялось государственной необходимостью: «...отсель грозить мы будем шведу... Все флаги в гости будут к нам» [14, с. 464]. Но личная трагедия Евгения, столкнувшегося

с последствиями реализации масштабных замыслов императора, «становится... страшным упреком всему делу преобразователя» [9, с. 229]. Здесь Петр, точнее Медный всадник, воплощает мощь государственной власти, а природная стихия наводнения, которую он укрощает, становится причиной гибели подданных. Свое представление о Петре А. С. Пушкин окончательно формулирует в «Истории Петра»: «...достоина удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами... Первые были для вечности... вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика» [13].

Все аспекты пушкинской концепции получили художественное воплощение в русской литературе. В XX веке наиболее известными произведениями стали романы «Антихрист. Петр и Алексей» Д. С. Мережковского и «Петр Первый» А. Н. Толстого. Первый реализовал мистическую историческую линию традиции, воплотив Петра в качестве Антихриста, необходимого для Третьего пришествия Христа. А. Толстой, напротив, создал образ прогрессивного деятеля, осуществившего назревшие реформы под влиянием социально-экономических факторов, осознанных им как государственная необходимость. Критическая линия трактовки образа Петра I представлена в повестях Ю. Тынянова «Восковая персона» и А. Платонова «Елифаноровские шлюзы». В советской литературе второй половины XX века реализуется позитивная традиция этого образа, получившая достойное воплощение в таких произведениях, как роман «Россия молодая» Ю. Германа, повести «Смерть Петра» Ю. Семенова, «Ночь царя Петра» Вс. Иванова и др.

Роман Д. А. Гранина, впервые полностью опубликованный в 2000 году, подводит итог размышлениям о Петре, осуществленным в русской культуре в течение XX века. Его выход не был замечен широкой публикой, так как на рубеже XIX–XX веков главными на тот момент были темы революции, культа личности и Отечественной войны. Но значение этого произведения в художественно-историческом дискурсе достаточно высоко, так, в 2011 году режиссер В. Бортко снял по его мотивам фильм «Петр Первый. Завещание».

«Вечера с Петром Великим» не являются типичным историческим романом, основанным на какой-либо хроникально-биографической или авантюрно-приключенческой событийной фабуле. Противоречивость и обилие исходного документального материала определили принципиальную полемичность «Вечеров с Петром Великим», структура которых представляет собой скорее художественную модель «дискурса о Петре», в рамках которого несколько героев активно обсуждают характер и деятельность императора, причем объектом обсуждения становятся не только государственные дела, но и обстоятельства его личной жизни: отношения с Анной Монс, его первой женой – Евдокией Лопухиной, второй – будущей императрицей Екатериной и пр. Д. Гранин не скрывает скандально известной склонности Петра к пьянству и другие пороки императора.

Широкая известность исходного материала, а также наличие традиционных точек зрения на его оценку (славянофильской, западнической, марксистской, этической, религиозной и пр.) дали писателю возможность сосредоточить внимание на обсуждении, а не на пересказе общеизвестных фактов. В итоге роман приобрел заметную полемическую направленность, так как его текст представляет собой свободное обсуждение малоизвестной книги немецкого историка Я. Штелина «Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге» [16]. Эти тексты не имеют научно-исторической ценности, но представляют большой интерес как первые элементы петровского мифа в русской культуре.

Цель дискуссии, которую моделирует автор, – разгадывание тайны личности Петра. Д. Гранин формулирует ряд принципиальных вопросов: «...откуда такая тяга к просвещению... как появился этот сгусток энергии...» [3, с. 25]; «...как у Петра сочетается несочетаемое. Стеснительность и распущенность, грубость и деликатность, простодушие и хитрость» [Там же, с. 224], – в которых сконцентрированы основные подходы к пониманию авторской версии концепции петровской личности.

Высокая оценка роли Петра и позиция автора в рамках петровского дискурса заявлены уже в заглавии романа – «Петр Великий». В этом вопросе Д. Гранин следует традиции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, оценивавших реформу и ее автора достаточно высоко. Однако его в большей степени интересуют культурные итоги деятельности Петра: «...это было освобождение, духовный переворот, нравственная революция» [4, с. 187].

В первых главах автор утверждает, что «Петр выполнял завещанное отцом... придал ускорение...» [3, с. 57], «не будь Петровских реформ, Россию поборола бы склонность к старым порядкам...» [Там же, с. 34]. Методы, применяемые Петром для преобразования образа мыслей подданных, автор представляет как необходимые: «...зря винят Петра в непомерной строгости, не употребил бы Петр палки, так еще двести лет дремала бы Россия на лежанке...» [Там же, с. 31]. Объясняя незавершенность реформ, автор следует за В. О. Ключевским, подчеркивая изначальную отсталость страны – «у Петра не было ни флота, ни сносного вооружения» [Там же, с. 129]. Он также указывает на препятствия, которые не позволяли осуществить задуманное полностью: «Петру вменяют в вину неосуществленные проекты. А посмотрите, сколько лет отняла у него война, смута» [Там же, с. 58], «...придворные не понимали царской страсти» [Там же, с. 52].

Д. Гранин не рассматривает социально-экономические предпосылки перемен, он полагает, что «страна давно уже томилась своей отсталостью от европейских народов» [Там же, с. 199]. По версии Д. Гранина, именно Петр является инициатором и идеологом реформ, их единоличным автором. Он не осознает назревающие перемены (как это изображает Л. Толстой в своем романе), не следует за тенденцией, а сам инициирует эти перемены, выступая, таким образом, в роли направляющей и движущей силы исторического процесса. Такая позиция героя, выступающего в одиночку против огромной инертной массы, вынуждает его стать тираном, жестко направляющим движение подданных. Его ближайшими помощниками следуют за ним, не всегда понимая его цели, отсюда многочисленные злоупотребления, которые жестко пресекал Петр.

Вопрос о методах реформации автор рассматривает с нравственно-этической точки зрения, и этот аспект полемики становится ведущим в романе. Учитель Молочков, который выступает в романе в роли основной повествовательной инстанции, пытается ответить на вопрос: «...разве он преступник? <...> В нем и злодейства нет» [Там же, с. 221]. В итоге автор все же оправдывает Петра, объясняя его «жесточь» общей грубостью нравов того времени и темпераментом реформатора. Эти черты его характера усугублялись обстоятельствами – уже названной позицией единоличного инициатора исторического развития, а также пассивностью окружающих, которая «ожесточала Петра... ЖЕСТОЧЬ... накапливалась в нем, порой доводила его до бешенства» [Там же, с. 220]. Автор полагает, что жестокость Петра стала привычкой, осложнявшей его жизнь: «...вспыльчивость, привычка чуть что хвататься за дубинку приводила не раз к трагическим последствиям» [Там же, с. 217].

Анализ содержания романа, преимущественно прямых авторских оценок, приписываемых формальному рассказчику Молочкову, позволяет сделать следующие выводы:

- в оценке петровских реформ Д. Гранин следует за традицией русских историков второй половины XIX века (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др.), которые в целом положительно оценивали итоги петровских реформ и заслуги Петра в их осуществлении. Специфика его понимания «петровского вопроса» заключается в акцентировании культурологической составляющей петровского наследия, полагая (вслед за Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским) главным результатом реформ формирование нового общественного сознания;

- оригинальность гранинской концепции заключается в понимании движущих сил истории. Он практически игнорирует социально-экономические и другие формы детерминации исторического процесса. Нет в его концепции и представления о Провидении, направляющем ход истории. По мысли Д. Гранина, отдельный человек, обладающий достаточными способностями и волей, вполне способен единолично определять направление развития стран и народов. Субъектом истории для него становится гениальная личность, в качестве которой предлагается Петр I. Такое понимание роли личности не является собственно научным и ближе всего соотносится с «теорией пассионарности» Л. Н. Гумилева;

- телеология гранинской концепции истории ориентирована на последовательное развитие общества и бесконечно длящийся прогресс, акцент в котором делается на развитии духовных и нравственных составляющих культуры. Техническое и экономическое развитие, несмотря на явно «инженерный» образ мышления своего героя, он считает явлением менее важным, призванным обеспечить условия для прогресса духовного. Вследствие этого для писателя более значимыми становятся именно те аспекты деятельности Петра, которые ведут к формированию новой культурной парадигмы русского общества. Очевидная успешность этой деятельности позволяет Д. Ганину игнорировать мнения о «разорении страны» или «повреждении нравов»;

- основным приемом репрезентации авторской концепции истории являются средства риторические. Для демонстрации авторского тезиса Д. Гранин моделирует ситуацию диспута, которая позволяет ему не только высказать свою мысль, но и аргументировать ее в процессе воображаемого спора, доказать ее истинность путем использования сравнений, включения малоизвестных фактов, проиллюстрировать на примерах. Это прием позволяет также организовать разрозненные эпизоды в единый текст, смягчить категоричность высказанных мнений, стимулировать процесс активного осмысления проблемы.

#### Список источников

1. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
2. Водарский Я. Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59-78.
3. Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим (сообщения и свидетельства господина М.). СПб.: Историческая иллюстрация, 2000. 432 с.
4. Гранин Д., Оскоцкий В. Чему учит история // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 176-204.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
6. Кибальник С. А. Историческая тема в поэзии А. С. Пушкина // Литература и история: сборник научных трудов / ред. Ю. В. Стенник. М.: Наука, 1992. Вып. 1. С. 58-88.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3-х кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 559 с.
8. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
9. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение, 1983. 253 с.
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Великого // Художественный язык Средневековья: сборник научных трудов / ред. В. А. Карпушкин. М.: Наука, 1982. С. 236-250.
11. Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1892. 780 с.
12. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
13. Пушкин А. С. История Петра [Электронный ресурс]. URL: [http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/istoriya-petra/petr\\_26.htm](http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/istoriya-petra/petr_26.htm) (дата обращения: 24.09.2018).
14. Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1990. С. 464-475.
15. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 232 с.
16. Штелин Я. Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://proflib.org/chtenie/40519/yakob-shtelin-podlinnye-anekdoty-iz-zhizni-petra-velikogo-slyshannye-ot-znatnykh-osob-v.php> (дата обращения: 24.09.2018).

**IDEA OF PERSONALITY'S ROLE IN D. A. GRANIN'S CONCEPTION OF HISTORY  
(BASED ON THE NOVEL "EVENINGS WITH PETER THE GREAT")**

**Lobin Aleksandr Mikhailovich**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
*Ulyanovsk State Technical University*  
*amlobin@yandex.ru*

The article presents an analysis of the principles of historical figures' images embodiment in retrospective prose. The problem of determining the relationship of the writer's historical conception and the form of its literary realization in the work is solved. D. Granin's final conception of history and its embodiment in the writer's late work is studied for the first time. The place of Granin's conception in the framework of "Peter I discourse" of the XVIII-XXI centuries is determined. The main result of the reformation, according to the author, is the creation of a new ideology. It is ascertained that, unlike D. Merezhkovsky and A. Tolstoy, D. Granin considers Peter I as the main initiator and ideologist of reforms. The rhetorical method of dispute modelling is the main literary means of the representation of the author's point of view.

*Key words and phrases:* literature and history; conception of history; historical prose; D. A. Granin's creative work; image of Peter I.

УДК 82:791.43

Дата поступления рукописи: 25.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-12-1.8>

*В статье рассматриваются колористические особенности художественных текстов Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, И. С. Шмелева в контексте их экранизаций-мультипликаций режиссера А. К. Петрова. Устанавливается взаимосвязь заложенных цветовых маркеров в оригинальном тексте и его последующей визуализации, определяются основные способы цветопередачи. Автор анализирует семантически осложненную цветопись мультипликационных версий классических литературных произведений, вступающая в гипертекстуальные связи как с оригинальными произведениями в частности, так и с культурно-историческим контекстом в целом. Рассматриваются психологические особенности восприятия цвета и свето-тоновых отношений реципиентом. На примерах мультипликационных лент «Сон смешного человека», «Корова» и «Моя любовь» автор выделяет символизацию цвета как одна из основных особенностей визуализации литературного произведения, являющаяся необходимым элементом для сокращения, компрессирования вербальной информации визуализируемого произведения.*

*Ключевые слова и фразы:* мультипликация; экранизация литературного произведения; трансмедийный перевод; колористика; психология цвета; метафора; цветопись; монохром; Ф. М. Достоевский; А. П. Платонов; И. С. Шмелев; А. К. Петров.

**Махно Ольга Андреевна**

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва*  
*oa.art@yandex.ru*

**ЦВЕТОПИСЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ РАБОТЫ С ЭКРАНИЗИРУЕМЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ  
ТЕКСТОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, А. П. ПЛАТОНОВА, И. С. ШМЕЛЕВА  
(НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ РАБОТ А. К. ПЕТРОВА)**

Понятие цвета, ассоциации и толкования его в социокультурном контексте имеют важное значение для анализа литературных произведений и поиска связей художественной литературы с другими видами искусства, в частности с мультипликацией. По мнению Ю. М. Лотмана, только «когда цвет стал автономен, подчиняясь замыслу и выбору режиссера, он был введен в сферу искусства» [6, с. 299]. Мы предлагаем рассмотреть, каким именно образом при трансмедийном переводе цветопись в произведениях Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, И. С. Шмелева повлияла на художественные образы и психоэмоциональный посыл колористики мультипликационных экранизаций режиссера А. К. Петрова.

Нами были выделены следующие колористические особенности работы мультипликатора А. К. Петрова с текстом оригиналов.

**Следование за автором. Прямое и косвенное.** Под **прямым следованием** мы понимаем максимально точную передачу цветовой палитры по указаниям на цветоносовые решения в тексте. Например, описание неба у А. П. Платонова «начинались вечерние сумерки; небо, покрытое серой прохладной наволочью, уже смежалось тьмой» [9, с. 242] иллюстрируется А. К. Петровым со скрупулёзной точностью в темных, смазанных холодных тонах, с постепенным градиционным переходом от серого в черное. Аналогично «голубая даль» [10, с. 31] у И. С. Шмелева дословно иллюстрируется пейзажами с превалированием голубого цвета (м/ф «Моя любовь»). Доминирование темного фона в мультфильме «Сон смешного человека» также основано на тексте оригинала, где чернота-темнота окружает героя со всех сторон, буквально затягивая его в «бездонные черные пятна», «ужасно черный» мир, где все «ужасно темное» [3, с. 105] (Рис. 1).